

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Заклятое золото

RUGRAM

Москва
2022

УДК 82-31
ББК 84(4Гем)5-4
В35

*Печатается по изданию: Э. Вернер.
Полное собрание сочинений. Т. IX. Винета, роман;
Заключенное золото, роман, 1915 г. Издание Л. А. Каспари.
С.-Петербург, ул. Лиговская, 114.*

Вернер Э.

В35 Заключенное золото / Э. Вернер. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 158 с. — (Любовь глазами Элизабет Вернер).

ISBN 978-5-521-77808-9

Гениальный бизнесмен Феликс Рональд, владелец шахт и заводов, сделал предложение руки и сердца единственной наследнице огромного состояния Эдите Марлов. Этот брак по расчету должен был стать его самой успешной сделкой — ничего в жизни он не желал так сильно. Первый раз Феликс потерял голову от любви. Однако его пылкая страсть встретила лишь холодное равнодушие со стороны красавицы-невесты. Избалованная вниманием мужчин девушка оказалась перед сложным выбором...

BIC FC
BISAC FIC000000

1

— Итак, это — твоя родина, и ты действительно провел целых десять лет жизни в этом забытом Богом захолустье? Я даже и представить себе не мог, что дело обстоит так скверно!

— Богом забытое захолустье! Если бы это слышали наши гейльсбергцы, которые так гордятся своим городом и его «историческим прошлым», то осудили бы тебя на изгнание!

Двое мужчин, между которыми происходил этот разговор, сидели в маленьком садике, вокруг которого теснились высокие дома с островерхими крышами. Один из говоривших был высокий, стройный мужчина с темными волосами и бородой и серьезными темными глазами. Другой был немного меньше ростом, но обладал красивой, сильной фигурой. Его густые белокурые волосы очень шли к его загорелому лицу. Он со смехом пожал плечами.

— Все милые гейльсбергцы — порядочные филистеры¹, а достопочтенный и глубокоуважаемый нотариус Раймар, к сожалению, также уподобился им.

Раймар усмехнулся. Во всей его фигуре чувствовалось утомление, да и в самом тоне слышалась усталость, когда он возразил:

¹ Филистер — самодовольный и ограниченный человек с узким, обывательским, мещанским кругозором и ханжеским поведением.

— Ты имеешь полное право шутить, Арнольд. Положение гейльсбергского нотариуса, разумеется, не из завидных. А как тебе нравится местоположение нашего городка?

— Очень красиво и очень идиллично, но, мне кажется, я сошел бы с ума, если бы мне пришлось в продолжение многих лет наслаждаться этой идиллией, любоваться тихими, залитыми солнцем улицами и ограничиваться обществом милых гейльсбергцев.

— Вначале и я так думал, — спокойно ответил Раймар, — но, в конце концов, ко всему привыкаешь.

— Вот именно в том-то и несчастье, что ты привык! Что из тебя вышло, Эрнст? Подумать только, каким ты был прежде, когда мы с тобой только познакомились, и когда ты на всех парусах выходил в море жизни... чтобы причалить здесь к берегу.

— Или, вернее, потерпеть здесь крушение, — добавил Эрнст. — Но ведь не всякому суждено сделать такую карьеру, какую сделал майор Гартмут, читающий мне здесь нравоучения.

— Но, черт возьми, у тебя было все, что нужно для карьеры, — перебил его майор. — Я присутствовал на твоём первом испытании, когда ты, совсем еще юный, защищал свою диссертацию, и понял, что уже тогда в тебе сказывался прирожденный оратор. И каким успехом увенчалось тогда твоё первое официальное выступление!

— Оно оказалось и последним, — с грустью заключил Раймар. — Вскоре разразилась катастрофа. Ты ведь знаешь, что помешало моей карьере.

— Да, знаю, — банкротство твоего отца. Это была пренеприятная история, однако тебе не следовало так скоро складывать оружие. Ты должен был остаться на своем посту. Это было бы нелегко, но на карту было поставлено будущее.

— Мое будущее все равно навсегда было разбито. Можно бороться с изменившимися материальными обстоятельствами, но не с позором.

— При чем тут позор? Все отлично знали, что ты решительно ни в чем не виноват. Ты не имел никакого отношения к делам отца.

— Но я носил его имя, а это имя с тех пор было опозорено. Неужели ты думаешь, что у меня хватило бы смелости защищать честь и права других, в то время когда каждый имел право заявить мне прямо в лицо, что моя собственная честь запятнана, что мой отец — вор? Этому раз и навсегда надо было положить конец.

— Да, главная беда заключалась в том, что была обнаружена недостача доверенных ему денег, — вполголоса проговорил майор. — Банкротство — не позор, а вот злоупотребление доверием... Но ведь ты никогда не верил в виновность своего отца.

— Нет! — последовал мрачный, но твердый ответ. — У него была крупная растрата, а в таких случаях человек быстро теряется, — продолжал Гартмут. — Он твердо верил, что успеет вернуть взятое, но катастрофа разразилась так внезапно.

— Да нет же! — перебил Эрнст. — Уходя из этого мира, он оставил мне несколько строк, а в такой путь не уходят с ложью на устах. Человек, обремененный долгами, не обращается к сыну с последней, отчаянной просьбой: «Спаси мою честь и память, если можешь!». А я не мог! — Раймар глубоко вздохнул и встал с места. — Оставим этот разговор. Но теперь ты видишь, Арнольд, что мне подрезало крылья. Я никому не смел тогда смотреть в глаза, да и теперь не смею, и мне во что бы то ни стало, надо было уехать из Берлина.

— Но почему же именно в Гейльсберг? На твоём месте я уехал бы куда глаза глядят — в африканские степи, в австралийские девственные леса или в другую, нуждающуюся в культуре страну, но только не в гейльсбергскую канцелярию!

— А моя мать? — серьезно возразил Раймар, — а Макс, который был тогда почти ребенком? Разве я мог заставить их терпеть нужду и вести непривычный им образ жизни, что непременно случилось бы, если бы я не остался с ними? Для

меня не оставалось выбора, и я должен был еще радоваться, что устроился здесь.

— Но твои милые родные даже не были благодарны тебе за это. Ведь твоя мамаша постоянно мучила тебя, оплакивая свою роскошную прежнюю жизнь. Она всегда предпочитала тебе своего любимчика Макса. Из него, во что бы то ни стало, надо было сделать великого художника, и ты должен был выделять на это средства. Она находила совершенно в порядке вещей, чтобы ты надрывался над работой ради нее, и ее возлюбленного Макса. Ну, да Бог с ней! Теперь ее уже нет на свете, а твой брат, благодаря Богу, окончил, наконец, курс. Надеюсь, что теперь ты навсегда развяжешься со всей этой глупой историей.

— С какой это историей? — с удивлением спросил Эрнст.

— Ну, с твоей достойной высшей похвалы канцелярщиной, со всеми ее писарями и актами. Или ты всю жизнь просидишь здесь, удостоверяя, что Гинце или Кунце продал десятину земли и тому подобные сногшибательные факты? Теперь ты свободен; сбрось же с себя всю эту гейльсбергскую мертвечину и вперед, к новой жизни!

Раймар устало, безнадежно улыбнулся и спросил:

— Теперь? В мои-то годы? Слишком поздно!

— Глупости! — резко перебил его майор. — В твои годы! Разве ты уже старик в тридцать семь лет? Да посмотри на меня! Я на целых три года старше тебя, а кто посмеет назвать меня стариком?

Он встал и вытянулся перед своим другом. В его статной фигуре, действительно, не было и намека на старость, а в густых белокурых волосах не видно было ни одной серебряной нити. Раймар посмотрел на него долгим, мрачным взглядом.

— Да, ты — совсем другое дело. Ты и душой, и телом всегда отдавался своему призванию, жил полной жизнью. А я целых десять лет должен был тратить все свои силы на удовлетворение будничных потребностей; в таких случаях для жизни уже ничего не остается.

— Эрнст, пожалуйста, не смотри на меня с таким самоотречением! — возмутился Гартмут. — Уж лучше злись на судьбу, сыгравшую с тобой такую скверную шутку! Я просто не могу выносить такую грустную мину и готов применить против нее силу.

К счастью, это обещание осталось не выполненным, так как в эту самую минуту из дома вышел молодой человек и, подойдя к собеседникам, с довольно сонным видом пожелал им доброго утра.

— Здравствуй, Макс, — обернулся к нему Раймар. — Наконец-то ты явился!

— Да, уже одиннадцать часов, — подтвердил майор. — Неужели молодой человек до сих пор валялся на перинах?

Макс пододвинул себе стул. Он был значительно моложе своего брата и поразительно хорош собой, что он, по-видимому, прекрасно и осознавал. Во внешности Макса, как и в его изысканном костюме, проглядывало что-то величавое, с оттенком театральности, но это шло ему. Во всяком случае, молодой человек был тем, что в гостиных принято называть «интересным мужчиной».

— Я так устал от вчерашнего путешествия! — произнес он. — Пришлось так долго ехать из Берлина по железной дороге, потом еще три часа в экипаже. Это до смерти утомительно, и мои нервы не выдержали.

— Ты привез с собой и свои нервы, Максль? — спросил Гартмут. — По-видимому, ты стал вполне современным человеком. Дай-ка посмотреть на тебя! Ты, действительно, малость поосунулся.

— Господин майор! — негодующим тоном остановил его молодой человек.

— Ты сердишься? Может быть, господина художника и восходящего Рафаэля уже нельзя называть по имени?

— Пожалуйста! — Макс слегка поклонился, — старому другу моего брата я охотно позволяю подобную фамильярность.

— Ты позволяешь? Сердечно рад этому и немедленно воспользуюсь столь милостивым разрешением. Но ты свалился к нам как снег на голову; чему же мы обязаны честью видеть тебя? Что-нибудь случилось?

— О, нет, решительно ничего особенного! Я только чувствую потребность в отдыхе. Ты, конечно, не поймешь этого, Эрнст. Благодарю Бога, что ты можешь спокойно сидеть в своем тихом Гейльсберге, не зная столичной сутолоки. Эта ежедневная мучительная борьба за существование, эта вечная травля!

— Неужели и тебе от нее достается? — насмешливо спросил майор. — А я-то думал, что это — удел твоего брата!

— Я скоро перестану обременять собой Эрнста, — с оскорбленным видом произнес молодой человек. — Я надеюсь, что очень скоро сам стану на ноги.

— Давно бы пора, Макс! — серьезно, но без малейшего упрека в тоне заметил старший брат. — Шесть лет я оплачивал все твои расходы в Берлине, что мне порой было очень нелегко, — ты ведь тратил очень много. Но я хотел дать тебе возможность совершенствоваться на свободе. Теперь дорога перед тобой открыта. Покажи, на что ты способен.

— Если бы только не было такой массы специалистов по этой части! — самым прозаичным тоном возразил Макс. — Теперь все стремятся к искусству, и для отдельных талантов совсем не остается места. Притом эта вечная зависть при малейшем успехе, а главное — критика с вечными придирками. Вообще, жалкое существование!

— Так вот как ты восторгаешься своим искусством! — сказал Эрнст, сдвинув брови.

— Восторгаешься! — Макс принял трагичный вид. — О, как скоро разучиваешься восторгаться! Искусство, слава — это, в сущности, химера. Осознавать это страшно, но, несомненно, это так. У меня вообще нет больше идеалов — их поглотила жизнь. Мне иногда кажется, что я — потухший кратер.

— Очень красиво сказано! — иронически произнес майор. — «Потухший кратер»... Красивое выражение, но, спрашивается, было ли там чему выгорать? А ты, Эрнст, что скажешь о своем брате с душой вулкана?

— Мы с Максом уже давно перестали понимать друг друга, — холодно ответил Раймар. — Мне только хотелось бы знать, как он думает добиться самостоятельности с подобными взглядами.

— Это выяснится с течением времени. Я еще сам не вполне уяснил свои планы, но надеюсь скоро добиться этого. Ты ничего не имеешь против того, чтобы я провел здесь несколько недель?

— Родной дом всегда для тебя открыт, ты это прекрасно знаешь; но что ты будешь так долго делать в Гейльсберге? До сих пор ты каждый свой приезд сюда считал жертвой и по возможности сокращал его.

— На этот раз я ищу отдохновения, — пояснил молодой художник. — Кроме того, я надеюсь встретить здесь знакомых. Ты ведь бываешь в Гернсбахе у госпожи Мейендорф?

— Изредка и почти исключительно по делам, — последовал холодный ответ. — Я — ее поверенный.

— Это безразлично, мы должны на днях съездить туда. Я познакомился с этой дамой в Берлине, в доме ее родственников, которых она теперь ждет к себе в гости. Это Марлов с дочерью.

Эта новость, по-видимому, нисколько не интересовала нотариуса, а Гартмут задумчиво повторил:

— Марлов! Это глава банкирского дома в Берлине?

— Да, и при этом миллионер. Это старая, очень солидная фирма, пользующаяся большой известностью в финансовых кругах. Я часто бывал в доме Марловых. Несколько лет тому назад скончался их сын, и теперь осталась одна единственная дочь, очень красивая девушка, за которой все сильно ухаживают как за единственной наследницей. Это — блестящая партия!

Раймар окинул брата удивленным, испытующим взглядом.

— Ты, по-видимому, собрал очень точные сведения, — начал он, но майор перебил его громким смехом и словами:

— Да помилуй, Эрнст! Неужели ты не понимаешь, что задумал гениальный Максль? Он хочет жениться на наследнице и продолжать борьбу за существование уже миллионером. Поэтому-то он и свалился сюда как снег на голову. И это-то он называет «становиться на ноги»!

— Я не понимаю, что вы находите во всем этом удивительного! — с оскорбленным видом заговорил Макс. — Я часто бывал в доме Марлова и вскоре по настоятельной просьбе его дочери начну писать ее портрет. Мне кажется, она ко мне равнодушна, но в Берлине у них бывает столько титулованного и знатного народа, что трудно выделиться. Здесь же, в Гернсбахе, это гораздо легче; здесь можно очутиться на первом плане.

— Как ты ни красив, Максль, но ты вовсе не в моем вкусе, — сухо заметил майор. — Впрочем, о вкусах не спорят, и даже миллионерша может оказаться очень нетребовательной в некоторых отношениях.

Макс счел ниже своего достоинства отвечать на этот выпад и обратился к молчавшему до сих пор брату.

— Разумеется, мне нет ни малейшей надобности, скрывать от тебя свои желания и надежды, но это, конечно, останется между нами. Еще ничего не решено, но я думаю, что имею основание надеяться. Тогда мне больше не придется утруждать тебя — ты и так достаточно многим пожертвовал для меня.

— Я приносил тебе жертвы как будущему художнику, — остановил его Раймар, — но, судя по твоим словам, ты отвернешься от искусства, едва только женишься на миллионерше.

Молодой человек на мгновение смутился от этих резких слов, но тотчас же небрежно пожал плечами.

— Ты, кажется, упрекаешь меня в том, что я везде умею быть счастливым. Не обижайся на меня, Эрнст, но ты уже десять лет сидишь в Гейльсберге, а что могут знать в этом захо-

